

Доктор А.И. Дубровин и Государственная дума: от надежды до бойкота

Андрей Иванов

Doctor A.I. Dubrovin and the State Duma: from hope to boycott

Andrey Ivanov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060119

Отношение правых монархических партий и союзов к учреждённой в ходе Первой российской революции Государственной думе было сложным и противоречивым. С одной стороны, парламентаризм западноевропейского образца они оценивали негативно, обличая «выборно-подкупной партийный строй», который, по их убеждению, неизбежно приводил монархии к разложению и толкал к революциям¹. С другой — многим из них вовсе не претила сама идея народного представительства, которое они рассматривали как способ донесения до самодержца «мнения земли». В этих условиях лидеры правых партий должны были предложить монарху и обществу своё видение представительных органов Российской империи и обосновать мотивы, заставлявшие их принимать участие в предвыборной борьбе и думской работе.

В этом плане особый интерес представляет отношение к Думе А.И. Дубровина — вождя самой массовой черносотенной организации страны Союза русского народа (СРН). Жандармский генерал А.В. Герасимов утверждал, что тот «стремился вообще к полному уничтожению всяких представительных учреждений в России» и якобы говорил ему, что «СРН участвовать в выборах не может, так как считает Государственную думу противозаконным учреждением», а сам он как верный монархист не имеет права «своим участием санкционировать существование этого сборища, посягающего на неограниченные права монарха»². Эти утверждения получили широкое распространение и переключались в историографию³, однако подробно не рассматривались ни отечественными, ни зарубежными историками.

В действительности отношение Дубровина к новому законодательному органу империи было гораздо сложнее и претерпевало изменения. Как верно поданный монархист он не мог не признать Думу, учреждённую по воле императора. Более того, он поддержал царский призыв выдвигать в неё лучших русских людей и вместе с возглавляемым им СРН включился в проходившую

© 2025 г. А.А. Иванов

¹ См.: *Омельяничук И.В.* Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13–35; *Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 271–273.

² *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 154–155.

³ Советский историк, к примеру, писал о нём как о «не признававшем вообще Государственной думы» (*Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 28).

в феврале—марте избирательную кампанию. Однако результат выборов оказался неутешительным — черносотенцы получили лишь 9,2% голосов выборщиков от всех курий⁴ и не смогли провести в Думу даже своих лидеров. Сам его руководитель, баллотировавшийся от Нарвской части Петербурга, набрал лишь 631 из 6013 поданных голосов⁵, при том, что оппозиционная печать называла этот район «цитаделью Дубровина»⁶. Он подал протест по поводу результата, но особое присутствие при первом департаменте Правительствующего Сената, ведавшее выборами в Государственную думу, не просто оставило жалобу без последствий, но даже не стало рассматривать её по существу, поскольку подали её с нарушением формальностей⁷.

Среди 499 избранных депутатов большинство составили либеральные и революционно-демократические силы (кадеты и трудовики). В связи с этим правые выступили с заявлениями, что данная Дума «не может быть признана выразительницей истинных убеждений русского народа»⁸. Вместо того чтобы служить царю, она превратилась в «новое революционное орудие» и является ничем иным как «всероссийским съездом революционеров»⁹. Выступая перед сторонниками на митинге в Михайловском манеже 23 апреля 1906 г., Дубровин подвёл итоги выборов так: «Я послал приглашение депутатам русской земли. Есть ли они здесь?! Господа члены Государственной думы, если вы здесь, то пожалуйста сюда (*пауза*). Кто из русских людей является депутатом в Государственную думу? Господа члены Государственной думы, где вы?». После возгласов, что депутатов здесь нет, так как они продались «жидам и кадетам», Дубровин продолжил: «Какая это Дума? Это вражеская Государственная дума. И в этом виноваты вы! Вы, русские люди! Русский народ изменил русскому царю. Он выбрал жидов и предал им Россию! Я ухожу от вас»¹⁰. Объяснив успехи кадетов на выборах подкупом, Дубровин с мрачным лицом отошёл в сторону, а возбужденная толпа стала кричать, чтобы он её не оставлял¹¹. Закончился митинг криками «ура!» и качанием вождя Союза на руках.

5 мая депутаты приняли адрес на тронную речь монарха, в котором от имени народа говорили, что умиротворение страны невозможно, пока власти не перестанут «творить насилия», не произойдёт обновления всей администрации, не установится ответственность министров перед народным представительством, а все «жертвы режима» не получают полную амнистию. Дубровина этот шаг глубоко возмутил. Отмечая, что с первых же дней работы Дума озабочилась тем, чтобы нанести государю «как можно большую обиду», он писал: «Превысив данные полномочия, как бешеный конь, закусив удила, большинство псевдо-представителей народа проявили... акт величайшей грубости, дерзости и полной невоспитанности в отношении того, кто имел неоспоримое право ждать только одной благодарности»¹². В письме, направленном им от имени

⁴ Степанов С.А. Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 210.

⁵ Результаты выборов // Речь. 1906. 22 марта.

⁶ О частях // Газета Шебуева. 1907. № 22. С. 3.

⁷ От Российского телеграфного агентства // Киевлянин. 1906. 30 марта.

⁸ Степанов С.А. Чёрная сотня... С. 210.

⁹ Грингмут В.А. Новое революционное орудие // Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. М., 1910. С. 115–118.

¹⁰ Собрание Союза русского народа // Речь. 1906. 26 апреля.

¹¹ В Союзе русского народа // Петербургский листок. 1906. 24 апреля.

¹² Дубровин А.И. К русскому народу // Русское знамя. 1906. 10 мая.

СРН председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, говорилось о возмущении «с первых же шагов преступно проявленной деятельности большинства членов Государственной думы». Думский адрес назывался «перешедшим всякие границы не только законных полномочий, но и простого приличия и порядочности»; главу правительства просили убедить монарха не склоняться на «незаконные требования, выраженные в адресе». Отмечалось, что Дума не единодушна, и утверждалось, что многие депутаты-крестьяне уже разочаровались в ней, но, запуганные партийными вождями, боятся признаться в этом¹³.

Требование политической амнистии Дубровин категорически отверг, назвав революционеров душевнобольными — «носителями нравственной проказы», «рассадниками дикого безумия», разносящими в обществе «свой мрачный мир разрушительных побуждений и кровожадных инстинктов». Он требовал прекратить называть левых радикалов, осуждённых за террор, политическими борцами, а их «противоестественные выходы» — революцией, немедленно снять с этих «нравственных калек» «выдуманные для душевнобольных ярлыки» и перевести их из тюрем в психиатрические лечебницы «для соответствующего пользования». «Эта мера положительно необходима и должна быть применима со всею подобающею строгостью во благо всей страны, — писал Дубровин. — Загляните только в Таврический дворец, и вы убедитесь в верности моего предложения... Сколько за короткое время существования Государственной думы пришлось обществу наслушаться бредней маньяков о их величии, непогрешимости, проповедей об анархии, о ниспровержении догматов веры, нравственности, собственности, да всего и не перечесть». Отметив, что большая часть депутатов попала в законодательное учреждение «по врачебному недосмотру» (из-за отсутствия гражданско-психиатрической экспертизы), доктор заключал: «Нельзя же допускать больных сумасшествием создавать законы для страны, да ещё такой обширной, как Россия. Скорее их в лечебницу, а иначе по всей стране раздадутся неслыханные вопли и стоны и прольются реки крови... Сумасшедшие завладевают Русью!»¹⁴.

Не обошлось в оценке деятельности Думы, как и всего «освободительного движения», без свойственного Дубровину антисемитизма. Отмечая, что в кадетской партии и социалистических организациях видную роль играли евреи, вождь чёрной сотни трактовал это как проявление «всемирного еврейского заговора» против христианских монархий. На евреев он смотрел исключительно как на врагов православного русского царства, заявляя, что те, будучи «пропитаны с детства талмудическим учением», презирают и ненавидят христиан и, прикрываясь в подконтрольной им либеральной печати словами о всеобщем благе, стремятся лишь к установлению собственной власти¹⁵. Главными мишенями для него выступали М.М. Винавер, М.Я. Герценштейн и В.Р. Якубсон — Дубровин не скупился на описание ужасов, ждущих русский народ под их гнётом¹⁶. Характеризуя Думу как «парламентскую говорильню», не способную к продуктивной законотворческой работе, а её депутатов как «крикунов» и «фигляров», дорого обходящихся стране и «бедному русскому мужику», Дубровин стал одним из активнейших сторонников скорейшего её роспуска.

¹³ РГИА, ф. 1626, оп. 1, д. 735, л. 5—6.

¹⁴ Дубровин А.И. Безумие заразительно // Русское знамя. 1906. 19 мая.

¹⁵ Дубровин А.И. К русскому народу!! // Русское знамя. 1906. 23 мая.

¹⁶ Дубровин А.И. К русскому народу; Дубровин А.И. Лицедеи Государственной думы // Русское знамя. 1906. 7 июня.

Он предупреждал власть, что большинство депутатов мечтают преобразовать Думу в Учредительное собрание и объявить «хулиганскую республику» с евреями во главе, и указывал, что законодатели с высокой трибуны оправдывают «бомбистов и прочую преступную нравственную гниль»¹⁷.

«Дума народного гнева» проработала всего 72 дня. В телеграмме царю от 9 июля вождь СРН не скрывал радости по случаю закрытия «революционного гнезда, помещавшегося в Таврическом дворце»¹⁸. Он писал: «Государственная дума распущена, часть революционной пропаганды на казённый счёт прекращена»¹⁹. Не отказался политик и от попыток повлиять на состав нового созыва. Всю вторую половину 1906 г. он и его соратники работали над тем, чтобы провести во II Думу правых. На проходивших в середине ноября совместных совещаниях Русского собрания и СРН Дубровин первоначально поддержал идею предвыборного блока с октябристами, отметив, что среди них «имеется масса членов, которые веруют так же, как и чистые монархисты». Высказанную некоторыми черносотенцами точку зрения, что лучше иметь откровенно левых депутатов, нежели конституционно настроенных монархистов, он отверг. По его мнению, Дума первого созыва «дала своего рода урок, а посему крайние левые партии не будут так решительно действовать, как действовали ранее... Партии эти свои требования будут проводить под флагом Думы тихо и исподволь... при такой системе [они] сильно укрепятся и... тогда справиться с ними будет трудно». Но позже, согласившись, что союз СРН с умеренными партиями невозможен, а успех собственными силами маловероятен, он изменил свою позицию, предложив руководствоваться принципом «чем хуже, тем лучше» и голосовать за левых. Однако это предложение большинство собравшихся отвергло²⁰.

В итоге Союз выступил на выборах в блоке с Русским собранием и Партией правового порядка. Сам Дубровин не баллотировался. В вышедшем за его подписью воззвании СРН к народу говорилось: «В Думу должны попасть от вас не тунеядцы, способные только лаять, упрятывая ежедневно в карман по 10 рублей каждый ваших кровных денег (депутатское жалованье. — *А.И.*), а работники, люди труда, готовые приступить к обновлению русской жизни и крестьянского земельного быта не путём озорства, грабежа и разбоя, а путём закона, основанного на Божьей правде!»²¹. Под людьми труда, естественно, подразумевались православные монархисты, не допускавшие ограничения самодержавия. В декабрьском интервью на вопрос об ожиданиях от новой избирательной кампании Дубровин ответил так: «Я твёрдо надеюсь, что Дума будет менее левой, менее красной, что она не будет, как предыдущая, кабацким митингом»²². Но несмотря на активную кампанию черносотенцев, Дума вышла даже левее первой. В неё удалось провести несколько ярких представителей СРН, в том числе товарища его председателя В.М. Пуришкевича и П.А. Крушевана, однако правые оказались в абсолютном меньшинстве. Вследствие этого они практически сразу сделали ставку на её роспуск. «Личный состав Второй Думы представляет крайне удручающую картину, о какой-либо созидательной

¹⁷ Дубровин А.И. Лицедеи...

¹⁸ Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. С. 174.

¹⁹ Дубровин А.И. В борьбе с революцией // Русское знамя. 1906. 11 июля.

²⁰ Правые партии... Т. 1. С. 267–270.

²¹ Там же. С. 277.

²² Шессен С. де [Шерешевский С.Б.]. Какая будет Дума // Вече. 1906. 17 декабря.

работе и речи быть не может, — отмечалось в марте 1907 г. в одном из документов Главного совета СРН за подписью Пуришкевича. — В Думе более 250 террористов различных наименований и оттенков... смотрящих на Думу как на мощное средство ускорить самое тяжёлое проявление революции в России и низвергнуть монархию. Распуск Думы представляется явлением крайне желательным... и чем скорее, тем лучше, ибо затяжной характер “работы” Думы ведёт к самому пагубному революционированию народных масс с думской кафедры, открыто, на всю Россию, пред глазами дремлющей власти»²³. Так же считал и Дубровин, назвавший депутатов «представителями народного невежества с бомбами в кармане»²⁴.

14 марта на первой странице «Русского знамени» появились большой чёрный крест и статья с говорящим названием: «Революционная трибуна». За две недели до этого, утверждал лидер кадетов П.Н. Милюков, Пуришкевич разослал отделам Союза секретный циркуляр, предписывавший следом за публикацией начать дружную «бомбардировку» императора и премьера телеграммами с мольбами о немедленном роспуске Думы и изменении выборного законодательства²⁵. И действительно, с 22 марта газета начала масштабную кампанию: из номера в номер публиковались десятки телеграмм со всех концов страны с просьбами распустить не оправдавший надежд законодательный орган. 4 апреля в ней вышел фельетон Дубровина, повествовавший о кадетских планах по подготовке государственного переворота²⁶. 8 апреля вождь СРН опубликовал заметку о том, что планов вооружённого восстания не скрывает и социал-демократическая фракция. «Словом, работа Думы идёт усиленным темпом по ниспровержению трона, не видит этого только наше правительство»²⁷.

Манифест 3 июня 1907 г. Дубровин воспринял с радостью и благодарностью. В телеграмме, отправленной Николаю II от имени СРН, он писал: «Слёзы умиления и радости мешают нам выразить в полной мере чувства, охватившие нас при чтении твоего, Государь, манифеста, державным словом положившего конец существованию преступной Государственной думы... Верь, Государь, мы все, русские люди, готовы идти за тобой, мы приложим все наши силы, дабы по слову твоему явиться твёрдым оплотом крепости, величия и славы России и не пожалеем ни жизни, ни имущества на защиту нашего обожаемого Государя»²⁸. Ответную телеграмму встретили с воодушевлением и восторгом: Николай II просил передать благодарность всем членам Союза, выразил уверенность, что монархисты помогут ему достичь мирного обновления страны, и расположение к ним: «Да будет же мне Союз русского народа надёжной опорой, служа для всех и во всём примером законности и порядка»²⁹.

В ответ на манифест Дубровин развил не свойственную ему активность, откликнувшись в первой половине июня циклом статей. Очевидно, что по-

²³ Правые партии... Т. 1. С. 297.

²⁴ Цит. по: Стогов Д.И. Предисловие // Дубровин А.И. За Родину. Против крамолы. М., 2011. С. 25.

²⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 280.

²⁶ Дубровин А.И. Как кадьюки готовят государственный переворот // Русское знамя. 1907. 4 апреля.

²⁷ Дубровин А.И. Чем занимаются члены Государственной думы // Русское знамя. 1907. 8 апреля.

²⁸ Дубровин А.И. Его Императорскому Величеству Государю Императору Самодержцу Всероссийскому // Русское знамя. 1907. 4 июля.

²⁹ ГА РФ, ф. 116, оп. 2, д. 96, л. 1; Высочайшая телеграмма Союзу русского народа // Гражданин. 1907. № 41–42. С. 8.

ражение революции и рост влияния СРН благодаря поддержке со стороны монарха окрылили его, дав надежду на избрание патриотической, национально мыслящей Думы, способной стать верной помощницей императора и доносить до него чаяния и нужды простого народа. В свойственном ему митинговому и «народному» стиле он сначала рисовал безрадостную картину русской действительности, порождённую злым гением С.Ю. Витте, масонством, инородцами, либералами и социалистами. «В помощь своим хищническим замыслам они обратили нашу русскую молодёжь в орду безбожников и бессовестных грабителей и ненавистников всего родного... ведут [её] по пути забастовок, озорства и разорения, разжигая в юной горячей крови самые дикие страсти и самые разрушительные пороки. Гибнут от их преступных подстрекательств не только молодые ветви русского дерева, но и самые корни. Уже русский народ сделался во многом похож на осенние деревья, лишённые листьев, и на лес, поникший от подземного пожара. А наши чиновники превратились в облака безводные, ветром гонимые. Не идут в делах дальше бессмысленного “бумагопоклонства” и не оживляют, не обновляют наших распорядков своею патриотическою предприимчивостью и сочувствием к бедствующему отечеству. Всё русское поникло! Всё нерусское подняло голову, веря в свою силу и не опасаясь отпора!.. Наши внутренние враги уже готовятся на предстоящих выборах отбросить нас совсем от порога Г[осударственной] думы и овладеть правом русского законодательства. За них продажность! За них измена!»³⁰. Далее следовали призывы к сплочению, жертвенности, дружному выступлению на выборах («удвоить усилия» и «удешевить пожертвования»³¹). Заканчивалось обращение новой порцией восклицаний: «Бог за нас! Царь за нас! Сила правды родной за нас! Всё возможно верующим! Всё возможно любящим! Где Бог, там и спасение! Где царь, там и сила! Где правда, там и победа!»³².

Выражая радость, что 3 июня «старое зло» было отвергнуто, Дубровин выражал надежду, что теперь инородцы не смогут «быть вершителями вопросов чисто русских», новая Дума станет подлинным «народосоветием» — воплощением истинной соборности, а избранные в неё русские люди смогут оказать монарху помощь и содействие в осуществлении «разнообразных и всесторонних реформ»³³. Не являясь противником преобразований как таковых, он не выступал и против свободы, но подчёркивал, что это должна быть «свобода в Боже»³⁴. Данное выражение вызвало насмешку А.С. Суворина: «Я подожду объяснения почтенного председателя союза, что значит эта фраза. Я знаю, что во время панихиды обо мне будут говорить как о “в Боже почившем”... Но, живя ещё на земле, в городе Санкт-Петербурге, я совершенно отказываюсь понять это политическое изречение: “свобода в Боже”. Г[осподин] Дубровин, конечно, лучше знает Св[ященное] Писание... но я в этом отношении большой невежда и не могу найти никаких соотношений между “в Боже почившим” и “в Боже свободным”. По-моему, даже самый славянский язык, чудесный и выразительный в Евангелии и в церковных песнях, является совсем

³⁰ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 8 июня.

³¹ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 14 июня.

³² Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 8 июня.

³³ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 5 июня.

³⁴ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 7 июня.

комичным и противно лицемерным в политических статьях»³⁵. Замечание задело Дубровина, и он в открытом письме издателю «Нового времени» разъяснил, что имел в виду: его слова адресованы не искущённому читателю, а простому народу, который сохранил веру в Бога, а потому знает апостольские слова «Где Дух Господень, там и свобода» (2 Кор. 3:17)³⁶. «Свобода же, как учит нас тысячелетняя история, даётся не скоро, не легко, не при помощи случайных обстоятельств и не борьбою сил и вещей, а их взаимодействием и воодушевлённым взаимосоревнованием»³⁷.

Вождь СРН надеялся, что манифест положил конец «виттовщине», что теперь ослабнет «средостение» между царём и народом в лице высшей бюрократии, и русский народ, выбрав достойных представителей и восстановив «духовную связь» с монархом, уже не допустит ни тирании аристократии, ни демократии: «Словом, державная воля открыла нам широкие двери в светлое и славное будущее»³⁸. Но прежде, чем таковое наступит, «предстоит тяжёлый исторический подвиг, требующий бесконечного самоотвержения». Считая, что при новом государственном порядке Союз будет играть более важную роль, Дубровин призвал «отречься от своей личной независимости, гордости и себялюбия», направить все силы на помощь обновлённому строю и его защиту, включиться в созидательную работу: «Готовьтесь же выйти на дело русское, на работу историческую»³⁹.

Указывая, что сам царь призывает их принять участие в выборах, публицист наставлял монархистов, что их долг — выдвинуть «избранников с верующими русскими душами и с любящими русскими сердцами» и остерегаться «безразличников», «крайнехатников» и всех тех, кто является «русскими по языку, но иностранцами мозгами и сердцами»⁴⁰. При этом он предупреждал, что новый избирательный закон несовершенен из-за нерадивости бюрократии, допустившей формулировку «без различия национальностей и вероисповеданий». Поэтому враги самодержавия могут снова взять верх, если правые не сумеют провести в Думу достаточное количество сторонников: Россия «останётся по-прежнему без надёжных гарантий для защиты своего состояния, свободы и жизни от разлагающих влияний и разорительных захватов со стороны инородцев»⁴¹.

В связи с этим Дубровин призывал членов СРН смотреть на выборы как на борьбу за русское первенство в жизни империи. Ругая «полунациональную» бюрократию, не видящую разницы между беспристрастием и безразличием, он писал, что русское национальное чувство «не сопровождается беспредельным самомнением и самодовольством», не заключает в себе «тупого презрения и вражды ко всему чужому». «Мы никогда не ставили и не ставим историческую

³⁵ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 685.

³⁶ Дубровин А. И. А. С. Суворину // Русское знамя. 1907. 9 июня. На следующий день, явно подготовившись, Дубровин написал ещё один ответ, предложив маститому публицисту ознакомиться со списком цитат из Священного Писания, касающихся христианского понимания свободы (Дубровин А. И. А. С. Суворину // Русское знамя. 1907. 10 июня).

³⁷ Дубровин А. И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 7 июня.

³⁸ Дубровин А. И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 5 июня.

³⁹ Дубровин А. И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 6 июня.

⁴⁰ Замечательное слово главного председателя «Союза русского народа» А. И. Дубровина // Русская правда. 1907. 28 июня.

⁴¹ Дубровин А. И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 9 июня.

рознь как идеал и не возводим фактических разделений в принцип. Наша тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников. Зачем же нас, исторических первенцев нашей Родины, стараются чуть не силами всего света привести к слиянию, к смешению со всеми племенами без различия!»⁴². Подчёркивая, что для монархистов дорога «кровная народная семья», что народ это «сила природная и историческая», вождь черносотенцев требовал от них быть достойными призвания и обеспечить победу этой силе. «Мы стоим за великую народность, а они — за великую разноплеменность!», — утверждал он, говоря об отличии правых от их политических оппонентов⁴³, и, призывая дать в Думу «героев веры» и пламенных патриотов, восклицал: «И пусть узнают наши враги, что и в суровом климате обитает пылкий народ!»⁴⁴.

При этом даже в агитационных текстах признавалось, что в СРН не всё гладко: случаются взаимные обиды и раздоры, далеко не все черносотенные вожди соответствуют высокому нравственному идеалу. Однако «братья-союзники» не должны смущаться этим: «Ведь от нас не требуется, чтобы мы выискали людей неприменной святости и героев, — много ли таких найдётся даже во всем мире? Царю необходимы из нашей среды только здоровые люди, способные правдиво определить, чего не достаёт для народного блага и чем можно воспользоваться из того, что у нас есть. Эти наши избранники должны будут с ясным сознанием общественных несовершенств, т.е. своих же собственных бед, посильно помочь государю в деле повсеместного укрепления правды и справедливости». Среди других задач правых депутатов — пробуждение широкой народной деятельности, развитие патриотизма (но с предостережением от самообожания), защита исторических народных прав. Но при этом они должны помнить, что не имеют ни малейшего права касаться «основ общества»: «Русло государственной жизни может быть углубляемо и выпрямляемо, но нельзя заменить его новым. Также могут быть отменяемы и изменяемы формы соотношения общественных сил, но нельзя отменять освящённые христианством вечные понятия о добре и зле, о семье и собственности, без которых невозможно разумное, свободное и спокойное существование человеческого общества». Идеал Думы выглядел следующим образом: депутаты, представляющие русское православное большинство, должны соизмерять свою деятельность с учением Христа, не искать ничего для себя лично и не допускать никакой тирании — «ни аристократической, ни демократической, ни партийной, ни сословной»⁴⁵.

В одном из предвыборных воззваний за подписью Дубровина содержался также призыв положить конец развращающему влиянию современной литературы, которая не меньше периодической печати воздействовала на умонастроения россиян. «Это не литература — это срам! Это глумление над нашими славными гениальными писателями, начиная от Пушкина и кончая Антоном Чеховым»⁴⁶, это хула на Бога, на отечество, на семью, Церковь и человека! И допустить это, и узаконить односторонний лай этот на долгие времена мы не смеем, не имеем права». Призыв молить царя о решении этой проблемы

⁴² Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 10 июня.

⁴³ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 14 июня.

⁴⁴ Замечательное слово...

⁴⁵ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 13 июня.

⁴⁶ Стоит отметить, что в «Русском знамени» публиковался старший брат А.П. Чехова Александр (псевдоним Седой).

сопровождался надеждой: «Быть может, близок уже тот час, когда в назидание потомству великий русский царь повелит воздвигнуть на Марсовом поле публичное “аутодафе” — всенародный костёр из этой, оскорбительной для человеческого достоинства, клоаки лжи, ненависти и лести, которая в насмешку, должно быть, зовётся литературой»⁴⁷.

На вопросы журналистов об ожиданиях от нового корпуса депутатов Дубровин отвечал кратко и особых надежд на благоприятный исход не питал. В беседе с журналистом «Петербургской газеты» он рассуждал: «Полагаю, что третья Дума будет ещё хуже второй, потому что в неё пройдет исключительно “жид” — обрезанный и необрезанный, от октябристов и левее. Новый избирательный закон совершенно напоминает мне ту водку, которую Витте пытался сделать безвредной для народа. Он действительно обезопасил водку от ядовитых примесей, но спирт-то ведь остался в ней... Так и новый закон о выборах: “жид” по-прежнему останется в Думе»⁴⁸. На вопрос корреспондента либерального «Русского слова» о планируемой работе СРН после выборов ответил уклончиво, чтобы не «парализовать весь тот эффект, которого мы вправе ожидать»: «Выяснять этот вопрос считаю преждевременным. Для избирателя и для общества достаточной порукой является программа СРН, известная почти всем... Что же касается той тактики, которую поведут союзники в Государственной думе, то на этот счёт моё глубокое убеждение — не выносить её, если она намечена и намечается нами у себя в кабинете, на улицу... Вечно, конечно, наша тактика секретом оставаться не может. С первых шагов нашей думской деятельности она станет вполне ясной и определённой»⁴⁹.

На заседании Главного совета СРН 14 сентября Дубровин, не питая иллюзий, что Союз сможет получить большинство, тем не менее настаивал на необходимости активного участия в выборах. В противном случае утвердится мнение о несостоятельности организации и бездеятельности её руководства, что может послужить поводом к разочарованию и выходу из неё колеблющихся⁵⁰. При этом сам он к неудовольствию провинциальных отделов категорически отказался выставить свою кандидатуру. Как отмечала оппозиционная пресса, «“союзники” резко осуждают поступок Дубровина, который своим отказом сыграл в руку противникам»⁵¹.

23 октября Дубровин и Пуришкевич обратились к «союзникам, правым и монархистам». Они указали на опасность возникновения октябристско-кадетского большинства, вследствие чего думская работа получит характер «тризны по самодержавию», а государственный строй окажется окончательно втиснут в рамки «конституционного принципа». Не желая допустить этого, вожди СРН наметили до начала думской сессии съезд правых депутатов в Русском собрании, на котором предстоит сговориться о кандидатах в президиум

⁴⁷ Дубровин А. И. От Главного совета СРН // Русская правда. 1907. 26 июля. Этот радикальный призыв вызвал отповедь органа октябристов — «петербургский истинно-русский доктор» стал «чернее чёрной сотни» и нуждается в том, чтобы ему приложили на голову лёд (Маленькая хроника // Голос Москвы. 1907. 13 июля). Вскоре газета назвала его пустосвятом и обвинила в том, что он спешит «править тризну над зарождающейся новой Россией» (Голос Москвы. 1907. 31 июля).

⁴⁸ Потёмкин А. В Союзе русского народа (Беседа с А. И. Дубровиным) // Петербургская газета. 1907. 19 июня.

⁴⁹ Союзники и правые о 3-й Думе // Русское слово. 1907. 21 октября.

⁵⁰ Союзники о предвыборной кампании // Южный край. 1907. 19 сентября.

⁵¹ У правых // Южный край. 1907. 18 сентября.

Думы и совместной слаженной работе, чтобы с первого же дня явиться «силой повелевающей, непреклонной и твёрдой». «Необходимо усвоить, — писали авторы обращения, — что только железная дисциплина и умение *подчиняться* создадут из правых тот молот, который будет в состоянии грузно и беспощадно опуститься на очаги русской революции и заставить считаться с собою ту блудливую и способную к слиянию массу октябристов и кадет, которая мечтает войти победителем в Третью Думу и под видом умиротворения России заложить в ней прочный корень конституционализма, готовящего ей разложение и политическую гибель»⁵².

Правые выступили на выборах единым фронтом и добились значительного успеха. Накануне открытия сессии Главный совет СРН выступил с воззванием, подписанным Дубровиным, в котором отмечалось, что «почти половина» избранных депутатов принадлежит к правым партиям и они являются верными царскими слугами⁵³. Однако положение дел сильно приукрасили. Изначально правое крыло составили примерно 140 человек, т.е. немного менее трети общего состава⁵⁴. Но уже через несколько дней оно разделилось на две фракции: правых (51) и умеренно правых (69).

1 ноября Главный совет СРН отслужил молебен, после которого Дубровин произнёс речь, отметив, что в Думу попало «немало лучших людей страны», и потому она имеет все шансы стать работоспособной. Отмечая, что правым будут противодействовать все фракции от октябристов и левее, он выразил надежду, что монархисты преодолеют это препятствие. «При всем своём, по словам оратора, пессимистическом отношении к русскому парламенту он всё же начинает верить в его работоспособность в настоящем составе», — писала кадетская «Речь»⁵⁵. Либеральные газеты не без удивления отмечали, что Дубровин произнёс речь «с восхвалением Третьей Государственной думы», предлагая собравшимся «забыть о первых двух Думах как о “позорном пятне в истории русской жизни”»⁵⁶. Он подчеркнул организационный талант и энергичность Пуришкевича и поблагодарил его за «большой дипломатический такт», позволивший добиться избрания товарищем председателя думы члена Союза кн. В.М. Волконского⁵⁷. Но надежды публициста на то, что Дума наконец-то окажется верной помощницей императора, а правые выступят её главной силой, не сбылись. Первым разочарованием стала полемика о тексте приветственного адреса императору. Если правые настаивали на том, чтобы подчеркнуть незыблемость самодержавия, то кадеты требовали упомянуть конституционный строй. С первых же дней выяснилось, что октябристы не пойдут вместе с черносотенцами, да и сам правый фланг не будет единым, так как умеренно правые выразили готовность поддержать октябристов. Меньше чем через две недели после начала сессии «для Союза русского народа список “чистых” в Думе сократился вдвое. Стало ясным, что перспективы

⁵² От Главного совета СРН господам членам Государственной думы союзникам, правым и монархистам // Русское знамя. 1907. 24 октября.

⁵³ Главный совет СРН // Русское знамя. 1907. 25 октября.

⁵⁴ Юрский Г. [Замысловский Г.Г.] Правые в Третьей Государственной Думе. Харьков, 1912. С. 1.

⁵⁵ В Союзе русского народа // Речь. 1907. 3 ноября.

⁵⁶ Молебствия союзников // Южный край. 1907. 6 ноября; Заседание фракции правых // Голос Москвы. 1907. 7 ноября.

⁵⁷ Ликование союзников // Южный край. 1907. 9 ноября.

политической борьбы в стенах Таврического дворца ещё менее радужны, чем ожидалось»⁵⁸.

Как следствие, уже 16 ноября Дубровин впервые поднял на заседании Главного совета СРН вопрос о необходимости добиваться роспуска Думы⁵⁹, а спустя пару месяцев заговорил об этом в полный голос. Ему хватило нескольких месяцев, чтобы полностью разочароваться в новом созыве и поставить его в один ряд с предыдущими. Если в начале ноября в «Русском знамени» ещё появлялись материалы, выражавшие надежду, что нижняя палата оправдает доверие монарха, то уже с начала 1908 г. со страниц газеты звучало только её поношение. «Киевлянин» сообщал, что Дубровин «категорически отрицает необходимость представительного правления для России в какой бы то ни было форме» и убеждает СРН направить деятельность «исключительно на восстановление неограниченного самодержавия»⁶⁰. «Дума, к несчастью для родины, дробясь на партии, пренебрегает насущными нуждами русского народа, удовлетворяя неосновательно-наглые искательства инородцев», и «если [её] деятельность будет идти таким же путём, то мы накануне новой пугачёвщины»⁶¹. Летом вождь СРН стал отзываться ещё резче. Считая самой вредной политической силой октябристов, он указал черносотенцам, что они, «получая генеральские оклады» и войдя в соглашение с правительством, действуют исключительно в своих интересах, мешают в осуществлении морской программы и делают всё, чтобы «ограничить власть царя». Особую неприязнь у него вызывал лидер фракции октябристов: «3-я Дума значительно опаснее первых двух уже по одному тому, что никто не пробирался в первые парламенты с такой предательской хитростью, как Гучков, который за ширмой октябризма стремится к одному: приобрести власть и силу»⁶².

Выступая перед ростовскими монархистами, Дубровин рассказывал: «Порядком потёрся около Таврического дворца и скажу вам откровенно, что члены Думы — это холуи и мошенники, они ничего не делают, только сидят в буфете и “прохаживаются по рюмочке”, а вечером разъезжают по театрам; в комиссиях работают один-два, остальные и не заглядывают... Нет, нам такой Думы не надо!». Отметив, что возникшее с петровского времени «средостение между царём и народом» в лице бюрократии пополнилось Государственной думой, он заявил, что стране нужна Государева дума по примеру земских соборов: «Нужно, чтобы к царю ехали представители от всех сословий, и царь мог бы с ними советоваться, спрашивать у них и узнавать о народных нуждах непосредственно — тогда исчезнет средостение». По-настоящему русская Дума должна доносить до царя мнения и чаяния народа, а монарх, в свою очередь, «постановит, как ему кажется лучше». Таким образом он давал понять, что Дума должна быть законосовещательной (высказаться прямым текстом Дубровин не решался, так как это противоречило Основным законам и воле императора). В связи с этим особо подчёркивалось, что при сложившемся положении дел «государственные вопросы решают в Думе члены, которые в них ничего не смыслят: так, например, полуграмотные люди решают вопрос о преобразовании универ-

⁵⁸ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 131.

⁵⁹ Союз русского народа о разгоне Думы // Голос Москвы. 1907. 17 ноября.

⁶⁰ Внутренние известия // Киевлянин. 1908. 5 января.

⁶¹ Рында [Пруссаков А.И.] В добрый час! // Русское знамя. 1908. 11 февраля.

⁶² Союз русского народа о разгоне Думы // Голос Москвы. 1907. 17 ноября.

ситетов». Среди других мер оздоровления политик предложил лишить депутатов казённого жалования, предоставив содержать «умных, но бедных» избранных за счёт населения, чтобы в случае недовольства депутатом избиратели могли бы отказать ему в средствах: «Чуть что не так заговорил там выборный, так и прекратить посылать ему пособие, он и одумается, а то можно и другого послать». «Ещё нужно, как в старину до Петра было, граждане могли бы бить челом государю... нашим первым челобитием будет, чтобы распустил царь Государственную думу, тогда будет царь и народ без средостения»⁶³.

Дубровин считал Думу не законодательным органом, а «столыпинской канцелярией», т.е. новым бюрократическим учреждением, полностью подконтрольным исполнительной власти⁶⁴. «Сделавшись большими генералами, — говорил он, — члены Думы не позаботятся о народе»⁶⁵. Октябристский «Голос Москвы» утверждал, что вождь СРН в феврале составил проект адреса к царю, содержащий следующие строки: «Народное представительство третьего созыва как не поддерживающее народность, православие и самодержавие должно быть распущено, дабы оно не взвинчивало население своими речами с думской трибуны»⁶⁶.

В то же время Дубровин опубликовал в «Русском знамени»⁶⁷, а позже издал брошюрой фельетон-притчу «Плоды персидской конституции», в котором иносказательным, но доступным языком разъяснил на примере разразившейся в Иране революции, к чему приводят игры в парламентаризм и слепое подражание Европе. Акцентировался вред, который приносил всем странам ограничивающий власть монарха парламент: «персидский царь» увлёкся «модным духом», оторвался от «обетов и заветов старины», стал слушать негодных советников, даровал конституцию и учредил меджлис, «а по-нашему — Государственную думу». «Отдал великодушный царь своё самодержавие, да попало оно не в те руки, кому назначалось — народу. Захватили талисман разные проходимцы, острожники, каторжники и искатели всяких приключений, стремящиеся к власти для собственных выгод... Таких людей и выбирать не нужно было, они ловко пролезали и сами себя выбирали; да и недостатка в них не было, — таких людей везде много; возьмите для примера нашу матушку-Русь». Дорвавшиеся до власти «отборные люди» обманули доверчивого и уступчивого царя, растащили всё, что плохо лежало, развратили народ и вызвали в стране смуту. Попытку шаха совершить контрреволюционный переворот Дубровин назвал «прозрением» от «временного наваждения» и восстановлением «самодержавия». «Слава Богу, царь персидский очнулся от конституционного угара, и истерзанный персидский народ скоро вернётся к мирной жизни под твёрдой властью своего самодержавного царя»⁶⁸. Правда, надежды вождя чёрной сотни не сбылись: в 1909 г. контрреволюция потерпела поражение и шах был низложен. Но, как видно из цитат, этот текст и писался вовсе не для того, чтобы погрузить читателей в вопросы иностранной политики. Его цель — предупредить об опасности превращения Думы в полноценный парламент и показать, что случившееся в Иране может повториться в России.

⁶³ Правые партии... Т. 1. С. 395.

⁶⁴ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе... С. 366.

⁶⁵ Деятельность СРН. Николаев // Русское знамя. 1908. 12 августа.

⁶⁶ Съезд монархистов // Голос Москвы. 1908. 17 февраля.

⁶⁷ Дубровин А.И. Плоды Персидской конституции // Русское знамя. 1908. 11 июня.

⁶⁸ Дубровин А.И. Плоды Персидской конституции. СПб., [1908]. С. 2, 4.

Таким образом, разочарование нижней палатой произошло очень быстро, Дубровин стал её убеждённым противником. В начале января 1910 г. он заявил: «Прошлый 1909 год был одним из самых удачных для подготовки новой русской революции. На новый год искренно желаю первым делом роспуска революционной Госуд[арственной] думы и затем созыва новой Думы, русской по духу, для того чтобы она могла высказаться обо всех истинных нуждах народа, а не политиканствовать, не безобразничать и разводить революцию»⁶⁹. В феврале он резюмировал: «Народ три раза обманул доверие царя-отца: лучшие люди 1-го созыва были распущены и пытались вызвать всеобщую смуту, призывая народ выборгским воззванием к бунту; второй созыв пытался убить царя⁷⁰, а третий с первых же шагов своей деятельности нарушил присягу, повёл тихую сапу под наши священные устои... Вот уже четыре года лучшие люди, избранники народные, обратив Таврический дворец в балаган, кабак... ведут себя возмутительно недостойно... Что они сделали для народа, чем облегчили его нужды, просветили его и умножили его благосостояние, — первая и неотложная задача, на которую указал им царь?.. Народ голодает, стонет от нищеты и разорения, а лучшие люди бранятся, чуть не дерутся, и вносят всеобщее разрушение в семью и в школу, и в общество. За всё время существования Думы внесли ли они хотя один приемлемый и полезный законопроект? Нет»⁷¹.

Однако даже столь строгий вердикт не заставил его провозгласить бойкот этому учреждению. В частном письме депутату-националисту А.И. Савенко Дубровин разъяснял: «Против Государственной думы я принципиально никогда не выступал. Я иду против засилья бюрократии. Царь и народ должны составлять одно целое. Голос народа всецело и полностью должен доходить до царя. Вот тут-то и нужно учреждение, которое могло бы играть связующую роль; назовите его как угодно, мне безразлично, лишь бы оно оправдало своё назначение. Настоящий балаган не может меня удовлетворить, поэтому я и ратую против него... а не против Государственной, Государевой думы. Разница, кажется, большая. Я бы хотел, чтобы была Государева дума, состоящая из действительно лучших русских людей... указывающая на истинные нужды народные, помогающая, а не командующая и приказывающая. Дети должны иметь право всегда и со всеми нуждами обращаться без стеснения и условностей к своему отцу. Отец, выслушав их, лучше видит, что нужно и чего не нужно. Ему и должно всецело принадлежать право исполнить или нет просьбу детей... Полагаю, что я достаточно ясно формулировал мои *pia desideria*⁷². Они, кажется, не дают ни малейшего повода считать меня стоящим во главе тех непримиримых, которым мил и любезен чиновничий произвол и вносимая им анархия во все проявления нашей жизни»⁷³. Показательно, что, когда в августе 1912 г. Дубровин в результате затяжного конфликта с Главным советом СРН под руководством Н.Е. Маркова 2-го зарегистрировал собственную организацию — Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН), одним из пунктов его устава значилось участие в выборах⁷⁴.

⁶⁹ Среди газет // Киевлянин. 1910. 5 января.

⁷⁰ Имеются в виду представители фракции социал-демократов, арестованные за революционную пропаганду в войсках петербургского гарнизона.

⁷¹ Дубровин А.И. [Ответ на письмо в редакцию] // Русское знамя. 1910. 21 февраля.

⁷² Благие пожелания, благие намерения (лат.).

⁷³ Савенко А.И. Заметки. МХХХVII // Киевлянин. 1911. 13 января.

⁷⁴ Устав общества под названием Всероссийский Дубровинский Союз русского народа // Русское знамя. 1912. 20 сентября.

Несмотря на разочарование тремя созывами Думы, вождь черносотенцев изначально планировал побороться за то, чтобы провести в четвёртый состав своих сторонников. Приготовление к выборной кампании началось ещё до образования ВДСРН, и некоторые газеты даже высказали предположение, что ради успеха на выборах дубровинский и марковский союзы заключат перемирие, их главные советы объединятся в «верховную палату», руководить которой будут Дубровин и Марков 2-й⁷⁵. Но этого не произошло, Дубровинский союз повёл кампанию в таком духе, что о предвыборном блоке не могло идти и речи. Считая все либеральные и социалистические партии очевидными врагами самодержавия⁷⁶, дубровинцы на этот раз сконцентрировали критику на СРН, Русском народном союзе имени Михаила Архангела (РНСМА) и Всероссийском национальном союзе (ВНС). Узнав, что Главный совет СРН принял решение о блоке с русскими националистами, Дубровин охарактеризовал этот тактический ход как измену. Не без оснований считая ВНС партией, допускающей конституционализм и парламентаризм, он объявил его враждебным самодержавию. Призывая отдавать голоса только «за лучших людей», он отмечал, что «сторонники не установленного государем императором народного представительства» таковыми считаться не могут. Для Дубровина разница между народными избранниками и народными представителями принципиальна — в последних он видел претензию на узурпацию не принадлежавшей им власти⁷⁷. В его представлении депутаты должны были выполнять «лишь скромные обязанности советчиков царя» и не имели права именовать себя «народными представителями, ответственными перед избирателями»⁷⁸.

«Русское знамя» обрушило на конкурентов весь свой гнев и стало делать всё от него зависящее, чтобы «изменники» монархическому делу в Думу не попали. Выпуски газеты начинались напечатанными в «шапке» лозунгами, призванными создать у читателей «правильное» понимание государственного строя и политического положения. Из них следовало, что в самодержавной России Государственная дума — орган законосовещательный, а не законодательный; депутаты — выборные люди, но никак не народные представители; народное представительство — атрибут конституционного строя, а при самодержавии конституции нет и быть не может; именующие Думу парламентом «преступно стремятся ниспровергнуть существующий самодержавный строй России и заменить его конституционным, вопреки воле царя-самодержца и основным законам»; а все политические партии, кроме дубровинского СРН, и «конституционная бюрократия» домогаются ограничения царской власти.

Лидеры марковского СРН, РНСМА и ВНС именовались обманщиками, предателями и скрытыми конституционалистами. Указывая, что «истинные» черносотенцы никогда не согласятся на союз с партией русских националистов и союзниками-«обновленцами», дубровинское издание даже утверждало, что Маркова 2-го, Пуришкевича и лидеров русских националистов рекламируют

⁷⁵ Накануне новой Думы. Готовится перемирие между дубровинцами и марковцами // Петербургская газета. 1912. 28 июня.

⁷⁶ В постановлении, подписанном Дубровиным в 1911 г., отмечалось, что предвыборные блоки с левыми партиями, октябристами и русскими националистами для СРН невозможны (Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 1911–1917 гг. / Сост. Ю.И. Кириянов. М., 1998. С. 83–84).

⁷⁷ Дубровин А.И. Всем членам СРН и его отделам // Русское знамя. 1912. 12 июня.

⁷⁸ Холяев С.В. Столыпин между черносотенцами и октябристами // Клио. 2015. № 4. С. 190.

«еврейские газеты», поскольку те тайно «идут заодно с жидами». Какая-либо поддержка конкурентов по правому лагерю, не говоря уже об октябристах, объявлялась изменой «свято-русскому делу». «Избиратели-куряне, — говорилось в одном из таких воззваний, — подавая ваши голоса за Маркова, вы выберёте конституционалиста, т.е. скрытого врага государева неограниченного самодержавия»⁷⁹. «Русские люди не подадут свои голоса за националистов — уличённых в мошенничестве предателей, преступно стремящихся к государственному перевороту», — отмечалось в другом выпуске⁸⁰. Нападки на умеренное крыло чёрной сотни и националистов вышли за рамки приличий. Дубровинцы называли их «конституционными аферистами», лжецами, «презренными самозванцами», «тёмной шайкой», призывали союзников «гнать их в шею». У читателя «Русского знамени» должно было сложиться впечатление, что избрание несогласных с Дубровиным монархистов и националистов гораздо опаснее прохождения враждебных самодержавию сил. «Эти маргариновые монархисты в конец унизили бы и погубили бы государство, созданное трудами и кровью славных предков, если бы не председатель Союза русского народа Дубровин, ошарашивший этих продажных иуд тяжёлою дубиною», — говорилось в одной из таких публикаций⁸¹.

Оппоненты Дубровина из правого лагеря восприняли развязанную против них кампанию как явное вредительство. Газета бывшего председателя фракции правых в III Думе А.С. Вязигина отметила, что левые партии, оставив на время разногласия, объединяются для успешного выступления на выборах. Долг всех правых сил — поступать так же, чтобы «вырвать победу из рук врагов русской государственности». Издание негодовало по поводу «безграмотной» агитации «Русского знамени», не понимавшего сути предвыборных соглашений и работающего, по сути, на торжество левых⁸². «На выборах...», — писал Савенко, — они приложат все усилия к тому, чтобы сорвать 4-ю Думу, т.е. окончательно скомпрометировать всю реформу. Главный враг — националисты и октябристы!.. Крайним правым нужна такая Дума, относительно которой не может быть никакого сомнения, что она очень скоро будет распущена. И тогда они выступают с требованиями: “Довольно опытов!” Из всего этого родилось решение голосовать на выборах за левых. Но так как этот призыв крайне антимонархичен, ибо Дума создана государем, и государь объявил всем своим подданным... то эта агитация ведётся с известной осторожностью... Поэтому открыто говорится другое... ведите в Думу только “союзников”, а где “союзников” нельзя провести, там бойкотируйте выборы. Бойкотировать выборы — это значит помогать левым»⁸³.

Отвечая на вопрос о своем отношении к выборам, Дубровин говорил: «В данное время Россия переживает полосу народного равнодушия к деланию политики. Убедившись, что три Государственные думы не дали стране никакой реальной пользы, народ теперь относится совершенно безразлично к грядущим выборам. Для него ясно, что кто бы ни пришёл в Таврический дворец, толку от этого не будет, и народная жизнь в лучшую сторону не изменится». Он также

⁷⁹ Русское знамя. 1912. 15 августа.

⁸⁰ Там же. 19 августа.

⁸¹ Н.К. Конституционные аферисты. Предвыборное воззвание Союза Михаила Архангела // Русское знамя. 1912. 14 августа.

⁸² Падение «Русского знамени» // Харьковские ведомости. 1912. 27 апреля.

⁸³ Савенко А.И. Думы и настроения. XX. «Чем хуже, тем лучше» // Киевлянин. 1911. 24 ноября.

обратил внимание, что «бюрократия не дремлет» и прилагает «все усилия, чтобы в Думе заседали желательные для нее люди», а синодальные круги пытаются провести в депутаты как можно больше священников. Последнее «я признаю вредным. Не место им там, и великий грех творят синодские сферы, вовлекая духовенство в политику. Они хотят через провинциальных батюшек влиять на ход думских работ и сделать Думу синодопослушной. Но, спрашивается, пристойно ли церковному ведомству увлекаться чисто мирскими делами? Его задача — сеять в народе религиозное просвещение, а не заниматься политическими делами». На вопрос о предвыборной тактике вождь Союза ответил, что доверяющие ему союзники будут голосовать за кандидатов «по особому указанию», руководствуясь не столько политическим, сколько нравственным критерием. Если же достойных людей не окажется, то ВДСРН предпочтёт «вовсе отказаться от участия в выборах, нежели поддерживать Бог знает кого»⁸⁴.

Печатный орган Союза настойчиво уверял читателей, что русское население едва ли не всех крупных городов проявляет «полное нежелание» участвовать в выборах. Один из сентябрьских номеров открывался прозорливым анонсом: «Гос[ударственная] дума, фактически отвергнутая народом, представляет крайнюю опасность как готовый центр революционного движения, на случай, Боже упаси, открытия в России военных действий»⁸⁵. Издаваемая соратницей Дубровина Е.А. Полубояриновой газета «Стрела» безапелляционно заявляла: «Союзы русского народа отказываются идти на выборы в Г[осударственную] думу в виду невозможности провести... искреннего защитника государева самодержавия»⁸⁶. Объяснялось это тем, что народ разочаровался в Думе, оказавшейся неспособной блюсти его права, ограничивая произвол чиновников и аппетиты капитала. Формально черносотенцев от участия в выборах не отговаривали (пункт об этом содержался даже в уставе ВДСРН). Напротив, накануне дня голосования Союз разослал в местные отделы циркуляр, предписывавший оживить деятельность на местах. Правда, делать это предлагалось осторожно, «не поступаясь ни на волос нашими принципами» и отказывая в поддержке всем тем, кто не разделял крайне правых взглядов⁸⁷. Но поскольку противниками дубровинцев оказались все крупные политические партии, а сами они не обладали ресурсами, чтобы провести собственных кандидатов, их позиция свелась к бойкоту Думы.

Ни один из заметных представителей ВДСРН в выборах 1912 г. не участвовал. Не получилось и предотвратить избрание Маркова 2-го, Пуришкевича и их соратников, несмотря на развёрнутую против них кампанию. Оппоненты Дубровина смогли составить представительную фракцию (первоначально — 64 человека и один примыкающий), в которую вошли члены СРН, РНСМА, других монархических союзов и беспартийные монархисты. Успешно выступили также русские националисты и октябристы, составившие самые многочисленные фракции (120 и 98 человек). Раздосадованный результатом выборов, дубровинский рупор заявил: «Революционное учреждение, в 4-й раз доказывающее свою бездельность, опасность и вред для страны, должно быть упразднено навсегда и безвозвратно»⁸⁸.

⁸⁴ Юренин. Беседа с А.И. Дубровиным // Петербургская газета. 1912. 16 сентября.

⁸⁵ Русское знамя. 1912. 27 сентября.

⁸⁶ Стрела. 1912. 6 сентября.

⁸⁷ Степанов А.Д. Всероссийский Дубровинский Союз русского народа // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900—1917. М., 2008. С. 126.

⁸⁸ Русское знамя. 1912. 23 ноября, 1, 4, 19 декабря; 1913. 4, 5, 8, 11 января.

Сам публицист и политик долго игнорировал существование IV Думы. Однако, когда в годы Первой мировой войны либеральная оппозиция объединилась в рамках Прогрессивного блока и приступила к штурму власти, Дубровин возобновил кампанию против неё. В вышедшей в ноябре 1916 г. статье «С чего начать?» он призвал председателя Совета министров А.Ф. Трепова осадить вождей оппозиции, «чудовищно-преступно подрывающих в стране доверие к законной ответственной власти». Требуя решительных мер, он заявил, что во время войны возможна единственная формула взаимоотношений: власть «выслушивает и приказывает», а «граждане советуют (кому позволено советовать) и беспрекословно подчиняются». Если же правительство допустит, чтобы граждане не слушались власти и «покушались приказывать ей», страну ждёт гибельная анархия. Поэтому правительство должно твёрдо показать, что оно есть настоящая власть, а если думское большинство не подчинится, то продолжать работу с «подгнившей» и вступившей на путь «крамольной интриги» Думой бессмысленно. «Блок должен убедиться, что ладить с ним во что бы то ни стало — не поставлено ни основной и никакой вообще задачей правительству; что основной задачей является достижение скорейшей и решительнейшей победы над врагом; что не будет допущено ни малейшего заслонения интересов той великой и единой спасительной для России цели — целями побочными, паразитно пристёгиваемыми к первой, и что с людьми, не способными проникнуться всепоглощающим первенством великой цели, правительству нет времени разговаривать. Такая постановка вопроса об отношениях власти, Думы и “общественности” будет... началом дела, обеспечивающим добрую половину успеха»⁸⁹.

Откликаясь на ноябрьские выступления деятелей оппозиции, Дубровин с негодованием отметил, что вместо помощи правительству «в продуманной мысли» думское большинство пытается диктовать ему свою волю, а вместо помощи в работе, направленной на оборону государства, занимается формированием в стране революционного настроения. Обличив лидеров Прогрессивного блока и фактически солидаризовавшегося с ними Пуришкевича, не желавших «понять правительства» и «отречься от своих преступных поползновений», он пришёл к выводу, что Дума дискредитировала себя и ждать не приходится ничего кроме стремления её «преступного и позорного большинства, одержимого легионом бесов», к захвату власти. А потому власть, пока не поздно, должна «стряхнуть» «этих вредителей» и твёрдо повести к победе. «Работать под командой законного правительства не желают — вон их! Если, убравшись, они не оставят кознодействия и будут посеять недоверие к законной власти — под арест до окончания войны! Режим этим арестантам можно назначить генеральский, но до конца войны они должны быть совершеннейше лишены общения с внешним миром и друг с другом». Необходимо всенародно изобличить «зарвавшихся супостатов», с трибуны Таврического дворца разъяснить причины, побудившие отказаться от услуг «народного представительства», и распустить Думу до окончания войны. Итог подводился соответствующий: «Недопустима тяжба худших граждан с властью слишком уж что-то затянулась... Пора ликвидировать тяжбу, слишком заметно перешедшую в лихорадочную подготовку

⁸⁹ Дубровин А.И. С чего начать? // Русское знамя. 1916. 12 ноября.

ужасной революции. Знамя борьбы с властью, поднятое 1 ноября милюковцами, в ноябре же должно быть и растоптано»⁹⁰.

Призывы Дубровина и других правых не остались незамеченными. 14 декабря императрица Александра Фёдоровна, сравнивая думскую оппозицию и черносотенцев, писала Николаю II в Ставку: «Вот контраст... одни — гнилое, слабое, безнравственное общество, другие — здоровые, благомыслящие, преданные подданные — их-то и надо слушать, их голос — голос России, а вовсе не голос общества или Думы. Так ясно видно, где правда; они знают, что Думу следует закрыть, а Тр[епов] не хочет слушать их. Если их не слушать, они возьмут дело в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда, чем лишь одно твоё простое слово — *закрыть Думу*, — но до февраля»⁹¹. Однако к этому совету император не прислушался.

Подводя итог, следует отметить, что отношение Дубровина к Государственной думе претерпевало изменения. Не одобряя с самого начала формат, в котором её создали, и систему выборов «лучших людей», он, тем не менее, активно участвовал в трёх избирательных кампаниях: в первый созыв баллотировался сам, в последующие — активно агитировал за черносотенцев. Вместе с тем каждый созыв Думы глубоко разочаровывал его. Но если в отношении первого и второго созывов иллюзий Дубровин не испытывал изначально, то манифест 3 июня 1907 г., изменение выборного законодательства и первые дни Третьей думы дали ему надежду на то, что она сможет принести стране пользу. Впрочем, скоро наступило разочарование. Несмотря на пессимистическую оценку состава и характера четвёртого созыва, публицист, вопреки распространённому мнению, не выступал категорически против участия монархистов в выборах. Лишь видя, что у его сторонников нет шансов на успех, он фактически склонился к бойкотированию последней избирательной кампании. А убедившись, что IV Дума революционизирует страну, взял курс на борьбу с ней.

Вместе с тем Дубровин никогда не отказывался от самой идеи выборного органа, который мог бы доносить до царя «глас народа», минуя бюрократические препоны, и помогал бы монарху создавать законы, устанавливающие порядок в стране и улучшающие жизнь её населения. Терпя законодательную Думу, поскольку таковыми полномочиями её наделил император, он, несомненно, желал её превращения в законосовещательную, считая, что никакой иной Думы, пока существует самодержавие, быть не должно, и «русскую по духу» (т.е. православную, монархическую и национальную). Но надеждам вождя чёрной сотни не суждено было сбыться. Воспринимая Думу как «учреждение никчёмное», Дубровин впервые попал в неё 28 марта 1917 г. в качестве арестанта, когда Таврический дворец превратился в штаб революции⁹².

⁹⁰ Дубровин А.И. Власть и «они» // Русское знамя. 1916. 23 ноября.

⁹¹ Переписка Николая Романова с Александрой Фёдоровной // Красный архив. Т. 4. 1923. С. 187.

⁹² Приговорённый к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / Публ. В.Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг. М., 2010. С. 119.